Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Россия - Запад: экономические интересы и геополитические санкции. Часть 1. По модели тупикового развития. | Russie - l'Ouest: les intérêts économiques et les sanctions géopolitiques. Partie 1. Un modèle voué à l'impasse

Author: Лев Комлев , Женева , 23.11.2015.

"А и Б" сидели на трубе... а потом? (photo nmn.me)

Сегодня и в пяти следующих выпусках мы публикуем результаты почти годовых размышлений экономического обозревателя Нашей Газеты.ch доктора экономических наук Льва Комлева на сложную злободневную тему.

|

Aujourd’hui, et dans les cinq éditions qui suivent, nous publions les résultats d’un an de réflexion de notre observateur économique, le Docteur en économie Lev Komlev, sur un sujet complexe de l’actualité.

Russie - l'Ouest: les intérêts économiques et les sanctions géopolitiques. Partie 1. Un modèle voué à l'impasse

С осени 2013 года наблюдается прогрессирующая деградация отношений между Россией и Западом, спровоцированная и постоянно подпитываемая антагонизмом в оценке причин украинского кризиса и в подходах и действиях по его разрешению. Еще недавно казавшиеся устойчивыми отношения подвергаются политическим и экономическим ограничениям, всякого рода санкциям и рестрикциям. Нагнетается атмосфера нетерпимости, враждебности, слышатся обвинения и едва скрытые угрозы. С обеих сторон полным ходом идет демонстрация военной мощи и готовности ускоренного наращивания военно-технического потенциала.

Почему так происходит? К чему подобное развитие событий уже привело и может привести? Постараемся подойти к ответам на эти вопросы через призму экономических интересов геополитических фигурантов. Ведь именно они сначала стремились, как казалось, наладить (каждый на своих условиях) устойчивое взаимное экономическое сотрудничество, а затем, взаимно разочаровавшись, перешли к противостоянию.

По модели тупикового развития

Развал мировой социалистической системы, распад СССР и смена общественного строя на восточноевропейском и евразийском пространстве коренным образом изменили геополитические и социально-экономические реалии мира. То, что именовалось социализмом в 1990-е, кануло в лету стараниями «перестройщиков», «экономистов-революционеров» и прочих реформаторов-неолибералов, в той или иной степени пропитанных симбиозом постулатов Фридриха фон Хайека (Friedrich von Hayek) и Милтона Фридмана (Milton Friedman).

В сложившейся обстановке перед правительствами Запада и новыми, в различной степени «продвинутыми» младолиберальными властями бывших советских республик встала очередная задача интеграции в ставшую глобальной мировую систему капиталистического хозяйства. Задача эта многосложная, особенно для столь исключительно крупной по масштабам страны, как Россия. Изобилующая многообразными и лишь частично освоенными природными богатствами, столь востребованными современными экономиками, страна располагала относительно развитыми производительными силами, неравномерно распределенными по её огромной территории, развитым человеческим капиталом и серьёзным научно-техническим потенциалом. Вместе с тем, Россия, как наследница ядерной сверхдержавы, обладала мощнейшим арсеналом оружия массового поражения и полным технологическим циклом его производства.

Таким образом, встраивание России в международные экономические и политические структуры, контролируемые Западом, отвечало интересам его деловых и политических кругов и могло служить определенной гарантией безопасности для «золотого миллиарда». С другой стороны, к сближению с Западом стремились зарождавшиеся новые российские политическая и бизнес элиты, полагавшие, что

впредь их интересы будут сочетаться с интересами элит западных. Правда, представление об интересах тех и других у них были самые общие, а об условиях и путях их обеспечения – весьма туманные. Поэтому, как и инициаторам реформ горбачевских времен, пришедшим им на смену младолибералам ничего не оставалось, как послушно следовать инструкциям своих менторов из ведущих американских аналитических центров, обосновавшихся в МВФ и во Всемирном банке. Последние сочли, что для подстройки России к вхождению в мировое хозяйство вполне сойдет «Вашингтонский консенсус» (Washington Consensus) – свод правил экономической политики, сформулированный в 1989 году британским экономистом Джоном Уильямсоном (John Williamson) для стран Южной Америки, оказавшихся в долговой кабале займов, выданных американскими банками под гарантии МВФ, Всемирного банка и правительства Соединённых Штатов. Суть этих правил состоит в замене «устаревших моделей» кейнсианского или советского типа регулирования экономики рыночной неолиберальной доктриной, исполнение которой, по замыслу автора, должно обеспечить такую стабилизацию и устойчивость в этих странах, которая позволила бы им вернуть долги американских банков. Одновременно решалась бы не менее важная задача – максимизировать открытие возникающих национальных рынков для транснационального капитала и тем самым для дальнейшего перераспределения мирового богатства в интересах ТНК и стран их происхождения, главным образом, государств Запада и, прежде всего, США. В Латинской Америке выполнение страновых программ стабилизации и структурного приспособления Вашингтонского консенсуса привело к сомнительным результатам - большинство ее стран оказалось в затяжном экономическом кризисе.

Наивно было рассчитывать на что-либо иное в России, с ее тогда еще зачаточными формами капитализма. Об этом в условиях неолиберальной эйфории открыто говорили в ЮНКТАД, остроумно поясняя, что «рекомендации Консенсуса для того и даются, чтобы развивающиеся страны никогда не стали развитыми». Но задача для России тогда состояла даже не в выправлении социально-экономической ситуации после перестроечного разгрома, а в вовлечении страны с ослабленной экономикой в мировое капиталистическое хозяйство через подчинение её тем правилам игры, которые устанавливаются Вашингтоном. Преуспевший в развале советской экономики и имевший латиноамериканский опыт реформ экономист гарвардской школы эксперт Джеффри Сакс (Jeffrey Sachs) устремился в Москву, где вручил правительству неолибералов-единомышленников наскоро адаптированную к российским реалиям программу Консенсуса. Те же, под присмотром американских советников, устремились выполнить её в сжатые сроки. Их не смущало ни более чем двукратное сокращение в стране материального производства, ни процесс дезиндустриализации, ни разрушение сельского хозяйства, ни обнищание российского народа. Главным для неолиберальных реформаторов и для их заокеанских наставников было то, чтобы за какие-нибудь пять лет (1992-1996 гг.) воплотить основные положения макроэкономической доктрины Вашингтонского консенсуса в системе конкретных мер и, таким образом, задать ориентиры экономической политики на многие годы.

В самом деле, рублевая зона была сокращена; монетаристская политика обеспечила жесткий контроль за объёмом денежной массы; осуществилась привязка рубля к доллару, рубль стал конвертируемой валютой; доля бюджетных расходов в ВВП год от года сокращалась; страна пережила два этапа быстрой и масштабной приватизации; либерализация цен дополнилась их выравниванием с мировыми; произошли дальнейшая либерализация внешней торговли и открытие страны для

международного перемещения капитала, в том числе краткосрочного.

Руководствуясь рекомендациями консенсуса, правительства России выполняли их пункт за пунктом. К концу прошлого столетия все они, за исключением соблюдения приоритетности здравоохранения, образования и инфраструктуры в государственных расходах, а также снижения предельных налоговых ставок, были в той или иной мере выполнены. Начало нового века столетия ознаменовалось возникновением чрезвычайно благоприятной для России конъюнктурой на мировом рынке углеводородов, продолжившейся до середины первой половины текущего десятилетия. Нефтяные сверхдоходы позволили новому руководству страны достаточно быстро расплатиться по долгам и снять проблему внешней задолженности. Но и после этого финансовые власти отнюдь не отошли от выполнения предписаний консенсуса. Разве что вместо выполнения рекомендаций обеспечивать приоритет здравохранению, образованию и инфраструктуре в госрасходах в 2004 году с подачи тогдашнего советника президента В.В. Путина А. Илларионова было введено правило, запрещающее использование в стране сверхприбылей от нефтяного экспорта. В соответствии с этим правилом значительная часть нефтяной экспортной выручки под предлогом воспрепятствования инфляции и создания валютных резервов для финансовой подстраховки на случай ухудшения для страны внешнеторговой конъюнктуры, стала направляться в стабилизационный фонд. Денежные средства этого фонда, впоследствии поделенного на Резервный фонд и Фонд социального страхования, стали размещаться в облигациях казначейства США. Понятно, что подобная мера отвечала финансовым интересам США и ограничивала ресурсы для экономического развития России.

Выполнение мер, принятых для следования предписаниям Вашингтонского консенсуса, в сочетании с соблюдением правила в отношении размещения нефтяных свехприбылей безусловно отразилось на экономике России, её позициях в международном разделении труда и состоянии внешнеэкономических связей. Не секрет, что свою международную специализацию топливно-сырьевой направленности Россия унаследовала от СССР. Но именно приватизация, дерегулирование экономики, привязка рубля к доллару, либерализация внешней торговли и свободное трансграничное движение капитала и те методы, которыми они проводились, привели к «размыву» доставшейся от социализма экономики, её дезиндустриализации, стагнации или уничтожению высокотехнологичных производств, деградации обрабатывающих секторов промышленности, включая прозводство продовольствия и товаров ширпотреба. Одновременно наблюдалось снижение качества отечественногою образования и медицинского обслуживания.

С другой стороны, продолжали интенсивно развиваться, в значительной мере на базе импортных технологий и оборудования – отрасли, представляющие очевидный интерес для обеспечения потребностей Запада в ресурсах топлива и сырья и гарантированную экспортную выручку для России. Речь, прежде всего, идет о нефтегазовой промышленности. На плаву оставались горнодобыча, а также отрасли их первичной переработки сырья, как правило энергоемкие и экологически небезопасные, такие как черная и цветная металлургия, производство удобрений, т.е. те, продукция которых пользуется спросом на Западе и конкурентоспособна на мировом рынке. Не вышло у младонеолибералов и их заокеанских наставников с радикальным свертыванием Военно-промышленного комплекса (ВПК). Его отстояли в тяжелые первые годы становления новой России, несмотря на постоянное внешнее и

внутренние нажимы. Ну, а начиная с «тучных» лет ВПК сам стал приритетом для российского руководства. На то были причины, вызванные усилением геополитического противостояния.

Разумеется, серьёзные изменения в социально-экономических и политических ориентирах России и пертурбации в экономике страны не могли не отразиться на географических направлениях, структуре и характере её внешних экономических связей. Вместе с дезиндустриализирующейся экономикой, разваливавшимся сельским хозяйством деградироваловала и структура внешней торговли России. Объективно этому процессу способствовало взаимодействие двух обстоятельств. Во-первых, благодаря огромному запасу углеводородов и своему выгодному местоположению Россия обладала и обладает сравнительными преимуществами для производства и поставок нефти, нефтепродуктов и газа в регионы наибольшего импортного спроса, в частности, в страны Евросоюза. Во-вторых, с конца 1990-х и вплоть до 2013 года на мировых рынках углеводородов возобладали относительно устойчивый спрос и тенденция к росту цен.

Взаимодействие этих обстоятельств, во-первых, способствовало беспрецедентному росту стоимости российского экспорта и обеспечивало, в течение длительного периода времени, растущее сальдо торгового баланса страны. Во-вторых, это взаимодействие все более стимулировало привязку экспорта, а вместе с ним внешней торговли и всей экономики страны к рынкам нефти и газа. Свидетельство тому – постоянный рост удельного веса статьи «минеральные продукты», включающей, главным образом, нефть, нефтепродукты и газ за счет других экспортных позиций. В-третьих, оно стимулировало процесс примитивизации структуры российского экспорта и его преимущественную ориентацию на рынок ЕС. В-четвертых, это взаимодействие благоприятствовало реализации курса политической ориентации России на Запад, ибо главным образом промышленно развитые страны могли длительное время предъявлять устойчивый платежеспособный спрос на дорогие и периодически увеличивавшиеся в цене жидкие и газообразные энергоносители. В результате, вместе с абсолютным ростом экспорта и импорта России в них усиливался удельный вес главных потребителей российских энергоресурсов – промышленно развитых стран и, прежде всего, государств Евросоюза. Наконец, в-пятых, взаимодействие этих факторов сыграло со страной злую шутку. Вместо рационального использования «нефтяной манны» на цели всестороннего развития и диверсификации экономики, Россия (не в первый раз) впала в нечто похожее на «голландскую болезнь». В таком состоянии навязанная неолиберальными финансово-экономическими властями политика следования «невидимой руке рынка» Адама Смита в формате Вашингтонского консенсуса с легкостью стала вписывать страну в международное разделение труда (МРТ) в качестве крупного сегмента топливно-сырьевой мастерской и относительно ёмкого рынка сбыта готовых изделий и услуг.

Топливно-сырьевой сегмент можно, конечно, именовать и «великой энергетической державой современного мира», но от перемены названия положение страны в МРТ в лучшую сторону не меняется. Деградация в нем российких позиций четко просматривается в эволюции структуры экспорта и импорта страны, особенно в торговле с ЕС.

Таким образом, эволюция внешней торговли России в условиях следования предписаниям Вашингтонского консенсуса и устойчиво благоприятной конънктуры

на рынках углеводородов привела к разнозначным результатам. К числу позитивных можно отнести беспрецедентный для страны рост стоимостного объёма торговли, растущего превышения экспорта над импортом и, соответственно, положительного сальдо торгового баланса страны. За 1995- 2013 годы Россия заработала на внешнеторговых операциях порядка 1,5 трлн. долларов – сумму, в принципе позволяющую сделать качественный рывок в экономике, осуществить диверсификацию национального хозяйства на основе новейших технологий и методов организации и управления, серьёзно взяться за решение проблем неоиндустриализии. В числе негативных для России изменений – примитивизация структуры экспорта сдвигом в пользу минеральных продуктов, в ущерб продукции глубокой переработки, машин и оборудования. Такая структура экспорта негативно выделяла страну не только на фоне промышленно развитых, но и многих развивающихся государств, свидетельствовала о её зависимости от превратностей конънктуры на мировых топливно-сырьевых рынках.

С другой стороны, державшаяся длительное время черезчур благоприятная для экспортеров нефти и газа конъюнктура в российском контексте объективно препятствовала развитию менее прибыльных (в сравнении с нефтегазовым сектором) отраслей экономики. Это вело к свертыванию целых отраслей обрабатывающей помышленности, ограничению НИОКР, развалу АПК, деградации отечественного сельского хозяйства. Подсадка на «нефтяную иглу» в производстве и экспорте замыкалась на подсадку на импорт более качественных и/или конкурентоспособных (в сравнении отечественными) инвестиционных и потребительских товаров и услуг западного производства. До угрожающих национальной безопасности масштабов усилилась импортная зависимость воспроизводственного процесса, продовольственного, промтоварного, лекарственного, медико-санитарного обеспечения населения. Подобная ситуация противоречила национальным интересам России, зато вполне отвечала интересам Запада. ТНК, средние и малые компании европейского происхождения уже немало выиграли от российского рынка, сбывая свою продукцию – от машин, промышленного оборудования, потребительских товаров длительного пользования до продовольствия, медикаментов и косметики, одежды и обуви, предоставления услуг в области здравоохранения, образования и т.п.

Другим важнейшим направлением сотрудничества с Западом выступает, как известно, инвестиционное. Ему, особенно иностранным инвестициям в экономику России, финансово-экономический блок правительства придавал особое значение, подчеркивая их значимость в деле модернизции экономики. Действовав в ключе Вашингтонского консенсуса, правительства России стреимились максимально привлечь иностранный капитал. Внешне результат таких этих усилий выглядел впечатляюще. За 2000-2013 годы объём накопленных иностранных инвестиций в страну увеличился в 15.5 раза – до 384 млрд. долларов. Но, как говорится, все дело в нюансах. Прежде всего, до ¾ притока инвестиций из-за рубежа – ни что иное, как возврат части «сбежавшего» ранее в офшоры и налоговые гавани капитала российского происхождения, легализованного там, получившего иностранную прописку и вернувшегося в расчете на получение от российских властей индульгенции и различного рода преференций.

Далее, ценность наращивания иностранных инвестиций в России подрывалась тем, что они не столько способствовали модернизации страны, сколько поощряли воспроизводство примитивизированной структуры её экономики. Набор отраслей, в

которые эти инвестиции направлялись, был «скошен» в пользу разработки нефти, газа и других природных ресурсов (до 20%); экологически небезопасных индустрий низких переделов типа нефтепепереработки, металлургии, производства удобрений (порядка 25%); торговли, включая операции с недвижимостью (около 40%). На автосборку и пищевую промышленнось из этих преинвестиций приходилось по 4-5%. В то же время доля отраслей, производящих машины и оборудование, во многом определяющие научно-технический прогресс, варьировала от 1 до1,5%, а инвестиции в сельское хозяйство составили до 0,7% всех иностранных вложений. Доля же тех секторов, от которых напрямую зависит качество человеческого капитала (образование, наука и здравоохранение) составляла доли процента в общем объеме иностранных инвестиций в Россию.

Ещё в большей степени значимость иностранных вложений в экономику снижается радикальными изменениями в их пропорциях и составе. За менее чем два десятилетия, (1995-2013 гг.) доля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) сократилась в 5,5 раза (с 67% до 12%), доля портфельных почти не претерпела изменений (чуть более1%), тогда как удельный вес «прочих» почти утроился, составив 87%. Между тем наибольшую ценность представляют именно ПИИ. Именно они, как правило, направляются в реальный сектор экономики, тогда как прочие относятся к категории различного рода кредитов и спекулятивных вложений, разумеется, возвратных, и выделяемых под определенный процент. Правда, на деле более половины ПИИ по существу таковыми тоже не являлись, т.к. представляли собой внутрифирменные трансферты зарубежных материнских компаний своим филиалам, оперировавшим в России. Так, в 2013 году на долю собственно ПИИ в РФ приходилось не 12%, а порядка 5,5%, или 9,4 млрд. долларов. На фоне 420 млрд долларов прямых российских инвестиций в основной капитал ПИИ размером в 9,4 млрд выглядели более, чем скромно, преставляя немногим более 2% от общего объёма вложений, и едва ли могли сыграть заметную роль в российской экономике.

Все больше представляя собой кредиты и займы, западные инвестиционные потоки становились все менее относящимися к обеспечению России современными производственными и управленческими технологиями, к развитию научно-технического потенциала и человеческого капитала и уж никак – к преодолению её критической зависимости от топливно-сырьевого экспорта. Такое положение в определенной мере связано с тем, что российские компании (в том числе, и нефтегазового сектора), по мере расширения своей деятельности, все более испытывали потребность в кредитных ресурсах для её финансирования. Между тем, внутренние источники кредитования отечественных компаний оставались ограниченными. Их нехватка в стране, стабильно получавшей в течение длительного времени огромную нефтяную ренту, была обусловлена двумя ранее упомянутыми мерами, принятыми в рамках «Вашингтонского консенсуса»: (1) ограничение денежной эмиссии приростом долларовых резервов ЦБ РФ и (2) введением так называемого бюджетного правила, в соответствии с которым сверхприбыли от экспорта нефти отсекались от доходов, суверенно используемых российским государством, и должны были вкладываться в облигации американского казначейства под низкий процент, т.е. осуществлять льготное финансирование бюджетных затрат США, например, военных расходов.

Последствие обеих мер для России – недостаточная монетаризация экономики, т.е. недообеспеченность её денежными средствами, вызывающая острый перманентный дефицит ликвидности (денег) и обусловившая ограниченные возможности

внутреннего кредитования, да и то под чрезмерно высокий процент – от 12% и выше. Недоступность внутренних источников кредита отечественные предприятия (частные и государственные) пытались компенсировать путем внешнего заимствования. Этим обусловлен абсолютный и относительный рост «прочих» в составе иностранных инвестиций. Оборотная сторона такого роста прочих инвестиций – рост внешней задолженности российских компаний и банков. Российское государство размещало нефтяную сверхприбыль в облигациях США под 1-1,5% годовых. Российским же компаниям (в том числе, государственным и полугосударственным) приходилось заимствовать на внешних рынках капитала под 5-6%, а то и 7-8%годовых. Только за 2012- 2013 годы совокупный внешний долг России увеличился на 1/3 и составил порядка 700 млрд долларов. Цифра выглядела впечатляюще, хотя, как тогда казалось, не давала оснований для драматизации. Дело в том, что весь долг России не превышал и трети ВВП страны, иными словами, не достигал 40% ВВП, когда, исходя из мировой практики, у кредитных институтов могли начать появляться некоторые сомнения в платежеспособности должника. При этом суверенный долг по состоянию на конец 2013 года (задолженность правительства России) не превышал 60 млрд. долларов. Основная часть внешнего долга – свыше 600 млрд долларов – приходилась на российские банки и компании. Из этой суммы долг компаний, контролируемых государством (Газпром, Роснефть, РЖД и т.п.), составлял около 375 млрд долларов. Оставшаяся часть – 253 млрд долларов – задолженность частного корпоративного сектора, где 150 млрд долларов – долги, преимущественно рублёвые, своим собственным зарубежным структурам.

Иными словами, в количественном выражении инвестиционное сотрудничество РФ с Западом выглядело впечатляюще. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что значимость его для российской экономики была довольно относительна, что состав иностранных инвестиций постоянно деградировал и что их роль в структурной модернизации экономики малозаметна. Скорее, наоборот, вместо диверсификации иностранные инвестиции объктивно способствовали расширенному воспризводству примитивизации экономики. Вместе с внешнеторговыми связями они, принося определенные текущие выгоды обеим сторонам, закрепляли за Россией роль поставщика топливно-энергетических ресурсов и продукции первичной переработки других базисных продуктов, удерживая страну на нижних этажах МРТ. Да и сейчас ситуация глобально не изменилась, и другого трудно ожидать, если российские финансово-экономические власти продолжают проводить по существу ту же макроэкономическую политику, что и во времена президентства Б.Н. Ельцина, политику, основанную на рецептах неолиберальной доктрины и рекомедациях Вашингтонского консенсуса.

От редакции: *Уважаемые читатели, мы предвидим, что рассуждения Льва Комлев могут вызвать полярные реакции. Мы приветствуем обмен мнениями в рамках цивилизованного диалога. Продолжение читайте в нашем завтрашнем выпуске.*

санкции швейцарии против россии
недвижимость в Швейцарии
швейцария недвижимость
Россия
российско-швейцарские отношения

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/economie/rossiya-zapad-ekonomicheskie-interesy-i-geopolitich

eskie-sankcii-chast-1-po-modeli